

Э Вести

культурно-политический журнал

Сергей Швакин: происходит смена парадигм, связанных с правами человека

Наталья Гопаненко | 10.02.2022 | Россия

Директор АНО «Институт экономических и правовых исследований» Сергей Швакин полагает, что цифровизация открывает обществу новые возможности для успешного развития, о чём свидетельствует основной посыл проведённого им международного форума «Экономика и право в эпоху цифровизации: трансформация бизнес-систем».

Но у всякого позитивного явления есть и обратная сторона, которую культурно-политический журнал «Э-Вести» решил обсудить с видным экспертом по цифровизации России и мира.

Сергей Владимирович охотно согласился просветить наших читателей об опасностях цифрового общества для свободы личности и рассказал о том, как деятели науки и культуры стоят на страже базовых прав.

ЭВ: Права человека попираются повсеместно в эпоху коронавируса, Европу всколыхнули протесты. Люди боятся того, что цифровой мир – мир бесправия. Вы разделяете это опасение?

Сергей Швакин: Проблема соблюдения прав человека никогда не утратит своей актуальности. По-прежнему острым остаётся вопрос о соблюдении в мировом масштабе базовых прав и свобод человека, таких как: право на жизнь, право на здоровье, право на воду, право на достаточное питание, право на достаточное жилище и др. До сих пор имеют место пытки и другие виды недозволенного обращения, расовая дискриминация, произвольные задержания и насильственные исчезновения, применение смертной казни, в том числе к несовершеннолетним.

На этом фоне проблемы реализации так называемых «цифровых прав», на первый взгляд, не вызывают серьёзной озабоченности. Однако это только на первый взгляд. Под давлением процессов индустриализации, постиндустриализации происходит смена парадигм, связанных с правами человека, усложняется архитектура социальных пространств.

Цифровизация общественных отношений не просто привела к появлению «цифрового человека», этот постоянно ускоряющийся процесс алгоритмизации и виртуализации социальных связей способен разрушить традиционные

модели прав человека. Риск выстроить конструкт общества Иеремии Бенета («Паноптикум») или общества наблюдения Мишеля Фуко («Око власти») достаточно велик.

В 2016 году писатель Марк Дюгэн и журналист Кристоф Лаббэ опубликовали совместное эссе «Человек голый. Невидимая диктатура цифрового», в котором постарались вскрыть проблему контроля людей при помощи больших данных, создающих угрозу для личной свободы, частной жизни и права на неприкосновенность. Авторы пишут, что «в условиях, когда контролируется круг общения, телефонные звонки, сообщения по электронной почте, веб-навигация и поездки, отслеживаемые по GPS или камерами, целенаправленного наблюдения избежать невозможно».

Диктатура, предусмотренная Оруэллом в 1984, была вдохновлена известными моделями тирании, однако мир больших данных ставит людей под удар, гораздо более тонким и безболезненным способом. Данные собираются только для коммерческих целей, но могут быть использованы спецслужбами, когда человек становится подозрительным. И, вероятно, не за горами тот день, когда вместе с погребальной урной, в которой хранится прах покойного, семьям будут предложены все цифровые данные, накопленные в течение его жизни, такие как неудобоваримая история его существования, содержащая его медицинскую карту, эмоции, привычки к потреблению, сексуальные и интеллектуальные предпочтения».

Авторы приходят к неутешительному выводу о том, что до конца этого века человек будет полностью зависеть, интеллектуально и финансово, от этой системы, которая постепенно определит условия обмена между удлинённой жизнью, меньшей физической и материальной незащищённостью и просто свободой.

ЭВ: Равноправие, равенство людей перед законом – одна из главных ценностей. Но не получается ли так, что сегодня те, кто имеют доступ к цифровым технологиям, «ровнее» других?

Сергей Швакин: С каждым днём права и свободы человека все сильнее зависят от информационных технологий, значительная часть которых реализуется посредством сети Интернет.

Само по себе право на доступ к сети Интернет давно уже воспринимается как право, которое имеет самостоятельное содержание и правовое значение. Важность доступа к информации, или права на информацию, в современном мире невозможно переоценить. В Окинавской хартии глобального информационного общества (2000 г.) указано, что «каждый человек должен иметь возможность доступа к информационным и коммуникационным сетям» (п. 9).

По итогам Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества, прошедшей 10-12 декабря 2003 года в Женеве была принята Декларация принципов информационного общества, п. 19 которой провозглашается необходимость обеспечить, чтобы каждый мог воспользоваться возможностями, которые могут предоставить информационно-телекоммуникационные технологии. В 2007 году Комитетом министров Совета Европы была принята Рекомендация «О мерах по укреплению общественной значимости Интернета» согласно которой «доступ и умение пользоваться Интернетом должны рассматриваться как необходимые для полноценного осуществления прав и свобод человека». В 2011 году Совет по правам человека ООН признал право на доступ к сети Интернет неотъемлемым правом человека (отчёт Франка Ля Рю).

Несмотря на то, что международное право в целом и законодательство многих стран в частности уделяет огромное внимание праву на доступ к информационно-телекоммуникационным технологиям, миллиарды людей сегодня всё ещё не имеют доступа к сети Интернет. Отсутствие доступа к информации напрямую затрагивает достаточно сложные социальные вопросы. Речь идёт об ускорении человеческого прогресса, о развитии, об инновациях, о формировании человеческого общества, основанного на знаниях, права на доступ к инклюзивному образованию, права на свободу выражения мнений, права на свободу мирных собраний и ассоциаций, расширения гендерных прав и возможностей и т.д. и т.п.

Неравномерный доступ к информации влечёт за собой так называемое «цифровое неравенство» («цифровой барьер» или «цифровой разрыв» – Digital Divide). Существует много исследований, посвящённых изучению последствий цифрового неравенства, доказывающих, что недостаточный доступ к цифровым технологиям влияет на уровень образования, что в свою очередь снижает уровень благосостояния страны; цифровое неравенство понижает шансы на трудоустройство, а также преграждает доступ к финансовым услугам. Необходимо отметить,

что проблеме цифрового неравенства уделяется большое внимание, в том числе Организацией Объединённых Наций.

ЭВ: С цифровизацией стала возможнее и проще цензура. Теперь она осуществляется не только государством, но и цифровыми компаниями (предвыборная кампания Трампа). Эффективна ли борьба с этим, есть ли у неё перспективы?

Сергей Швакин: Так называемая «интернет-цензура» – это не однозначное явление. Сам термин «цензура» встречается в нормативных актах достаточно редко. Как правило используют обтекаемые формулировки, например, говорят о мерах, принимаемых для предотвращения достижения определённого контента конечным пользователем, которые включают воспрепятствование пользователям в доступе к конкретным веб-сайтам, адресам интернет-протокола, расширениям доменного имени и т.д.

Можно обозначить две существующие модели ограничений в сети Интернет. В одних государствах для применения ограничений используются нормы, не имеющие прямого отношения к сети Интернет, при этом специальные нормы, направленные на блокировку контента, отсутствуют. В других государствах имеются специальные нормы, направленные на регулирование отношений в среде Интернет с указанием условий блокировки контента (совершение различного рода преступлений, соображения национальной безопасности и т.д.). Способы ограничения доступа к контенту разнообразны: прямая блокировка на основании решения суда или государственного органа, блокировка на основании закона, замедление скорости передачи данных (троттлинг, в т.ч. диапазонный троттлинг), отключения, изъятие оборудования и инфраструктуры.

Необходимо признать, что не всегда причиной ограничения доступа к определённому контенту является нарушение применимого закона. Иногда блокировка является прямым, хоть и замаскированным, следствием цензуры. В 2020 году ОБСЕ и ООН в совместной декларации «О свободе выражения мнения и выборах в эпоху цифровых технологий» призвали государства-участников не допускать предварительную цензуру средств массовой информации, в том числе с помощью таких средств, как административная блокировка сайтов средств массовой информации или отключение Интернета.

Ограничение доступа к контенту в сети Интернет вследствие цензуры явно вторгается в сферу действия права на свободу слова, права на свободу выражения мнения. Это право гарантируется ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также ст. 19 Всеобщей декларации прав человека. Применительно к Российской Федерации гарантии свободы слова, мнений, право на свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, а также прямой запрет цензуры средств массовой информации содержатся в ст. 29 Конституции.

Проблема заключается в том, что не всегда внутригосударственные нормы содержат чёткие и однозначные основания для блокировки контента. Европейский суд по правам человека выработал специальные критерии, которые позволяют определить правомерность блокировок. Во-первых, у государства должна быть ясная правовая база для применения любой меры блокирования. Во-вторых, меры должны преследовать правомерную цель, которая указана в п. 2 ст. 10 конвенции о защите прав человека и основных свобод (например, национальная безопасность, предотвращение беспорядков или преступлений, охрана здоровья или нравственности, защита репутации или прав других лиц). В-третьих, мера должна быть пропорциональна преследуемой законной цели.

Государства-члены Совета Европы должны обеспечить, чтобы ограничения контента были основаны на чёткой правовой базе и гарантировать судебный контроль. Таким образом, соблюдение права на свободу слова и права на свободу выражения мнения в сети Интернет напрямую зависит от добросовестного соблюдения государствами как субъектами международного права своих международно-правовых обязательств.

ЭВ: Право частной жизни – пожалуй, главное опасение людей. Все хотят иметь удобства, но не все готовы делегировать свободу. Мне кажется, что до пандемии ещё предпринимались попытки ограничить вмешательство в частную жизнь, но теперь всё слишком легко объяснить угрозами. Что делать с этим?

Сергей Швакин: В 2013 году группа из пятисот писателей со всего мира обратилась с петицией в ООН, под названием «Международный билль о цифровых правах» (International Bill of Digital Rights). В основу обращения

был положен тезис о том, что основной опорой демократии является неприкосновенная целостность личности, которая распространяется за пределы своего тела. В своих мыслях, в своём персональном окружении и в общении люди имеют право не опасаться преследования и не находиться под наблюдением. По мнению авторов, это фундаментальное право было фактически аннулировано в результате злоупотребления технологическими разработками со стороны государств и корпораций в целях массового наблюдения.

Авторы петиции указали, что наблюдение нарушает частную сферу и ставит под угрозу свободу мысли и убеждений. Массовое наблюдение рассматривает каждого гражданина как потенциального подозреваемого. Это не только делает человека прозрачным, но и отменяет презумпцию невиновности.

Надзор и наблюдение за человеком представляет собой кражу, поскольку личные данные принадлежат индивиду и не являются публичной собственностью. Когда они используются для прогнозирования поведения людей, у них отбирают свободу воли, которая имеет решающее значение для демократической свободы. Литераторы призвали ООН и правительства признать первостепенную важность защиты гражданских прав в цифровую эпоху и разработать международный билль о цифровых правах.

В этом же 2013 году в ответ на разоблачения Э. Сноудена, по инициативе правительств Германии и Бразилии Генеральная ассамблея ООН приняла резолюцию 68/167 «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век». В резолюции Ассамблея отметила что «быстрые темпы технологического развития позволяют людям во всех регионах мира пользоваться новыми информационными и коммуникационными технологиями и в то же время повышают способность правительств, компаний и физических лиц отслеживать, перехватывать и собирать информацию, что может нарушать или ущемлять права человека, особенно право на неприкосновенность личной жизни, закреплённое в ст. 12 Всеобщей декларации прав человека и в ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах». Генеральная Ассамблея ООН призвала государства уважать и защищать право на неприкосновенность личной жизни, в том числе в контексте цифровой коммуникации.

Сегодня можно утверждать, что ситуация с соблюдением прав человека в цифровом пространстве только усложняется. При этом можно выделить два разнонаправленных процесса: один процесс связан с усилением защиты права на частную жизнь, если такое право нарушается частными лицами; а другой – с расширением возможностей государств вторгаться в пределы пространства личности.

Право человека на уважение его личной и семейной жизни, жилища и корреспонденции – это одно из базовых прав человека, которое охраняется международным правом. Принимая во внимание, что государства как правило конституционно закрепляют гарантии соблюдения права граждан на частную жизнь, прогрессивное развитие этого права возможно только в результате усиления роли международного права в национальных правовых порядках.

ЭВ: Хартия коммуникационных прав человека в каком-то виде ещё актуальна?

Сергей Швакин: В начале 1990-х годов учёные и активисты, связанные с Сетью стран Третьего мира (Third World Network – TWN) в Пенанге (Малайзия) и Ассоциацией потребителей Пенанга (Consumers Association of Penang), инициировали дебаты о необходимости и целесообразности глобального народного движения в области коммуникации и культуры.

Хартия коммуникационных прав человека является инициативой Сети Третьего мира, Центра коммуникации и прав человека в Нидерландах (Centre for Communication and Human Rights), Движения за культурную среду в США (Cultural Environment Movement) и Всемирной ассоциации Общественных радиовещателей (AMARC), базирующейся в Перу и Канаде. Хартия стала учредительной конвенцией Движения за культурную среду в марте 1996 года, когда состоялась первая публичная ратификация её текста. В июне 1997 года руководящий совет Всемирной ассоциации христианской коммуникации (World Association for Christian Communication – WACC) одобрил хартию.

В хартии были сформулированы основные права и обязанности, которыми обладают обычные люди по отношению к своей культурной среде, а также несколько принципов: все формы обработки информации – сбор, обработка, хранение, распространение и т.д. – должны основываться на уважении основных прав человека;

коммуникационные ресурсы (такие как частоты) должны рассматриваться как «общие», должны быть доступны для всех справедливыми и равноправными способами и не могут регулироваться только рыночными силами; коммуникация в обществе не может быть монополизирована правительственными или коммерческими силами; люди имеют право на защиту своего культурного пространства; поставщики информации и связи должны нести ответственность за свои продукты и услуги.

Из приведённого краткого обзора уже видно, что Хартия изначально не была нормативным документом, и, соответственно, не могла создавать никаких прав и обязанностей для субъектов международного права. Хартия также не являлась и политическим документом, т.е. не выражала политическую волю государств. В основу Хартии были заложены уже существующие в международном праве принципы. Судить об актуальности этого документа, как и о необходимости его создания достаточно сложно, поскольку международное право уже на момент появления Хартии обладало необходимым инструментарием для защиты декларируемых в Хартии прав.

ЭВ: Чем дискуссия вокруг цифровых прав в России отличается от европейской, на Ваш взгляд?

Сергей Швакин: Каких-либо ярких отличий не существует, за исключением, пожалуй, одного – термин «цифровые права» был крайне неудачно закреплён в Гражданском Кодексе Российской Федерации. В целом цифровизация социальной среды изучается относительно длительное время и проблемы, вытекающие из виртуализации социальных пространств, являются предметом фундаментальных и прикладных научных исследований в различных областях науки (философия, право, экономика, социология, политология, психология и т.п.).

Конечно, можно обнаружить специфику, зависящую от научных школ, научных традиций, связанную с развитием научных доктрин в том или ином государстве. Также иногда наблюдаются некоторые различия в терминологии, прежде всего, в объёме и в содержании конкретных понятий. Субъективно, имеется разница в количестве исследований в разных странах, а также разное соотношение количества фундаментальных и прикладных исследований.

ЭВ: Сохранит ли человек базовые свободы в цифровом мире и в какой мере?

Сергей Швакин: Очень бы хотелось, чтобы они сохранились.

Информация взята с сайта Э Вести: <http://www.e-vesti.ru/ru/>

Адрес статьи: <http://www.e-vesti.ru/ru/sergej-shvakin-proishodit-smena-paradigm-svyazannyh-s-pravami-cheloveka/>

© 2015-2022 Э Вести. Все права защищены.